VI – 5 – 44
КВ 10 Гре
Гб 96
31957

Н. А. ГРЕДЕСКУЛЪ.

Многоуважаемому
Николаю Ивановичу
Карѣеву
отъ автора.

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ПРАВА.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Декабрь 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1900.

Лок

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1901 г.

Программа Журнала заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.
II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
III. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи.
IV. Свѣдѣнія о работахъ по пересмотру законоположеній по судебной части.
V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.
VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.
IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ текущемъ году въ Журналѣ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія сообщенія, статьи и замѣтки:

Рудинъ, С. Д. Прошлое и настоящее значеніе межевой канцеляріи.—Жижинъ, В. Д. Ссылка въ Россіи.—Сарандо, А. К. Проектъ вотчиннаго устава.—Чихачевъ, К. Я. Распоряженія судебнаго слѣдователя и суда относительно вещей, добытыхъ чрезъ преступленіе.—Кроль, М. А. Брачное право у монголо-бурятъ.—Лозина-Лозинскій, М. А. Увольненіе по третьему пункту.—Ильяшенко, И. Е. Институтъ родовыхъ имуществъ съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія. Цвингманъ, В. М. Вотчинная реформа и кредитныя учрежденія.—Тарновскій, Е. Н. Статистическія данныя о преступности въ Италіи.—Преступность въ Англіи и Бельгіи.—Змирловъ, К. А. Вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями.—Дриль, Д. А. Тюрьма и принудительное воспитаніе.—Итоги международнаго тюремнаго конгресса въ Брюсселѣ.—Гессенъ, В. М. О значеніи Гаагской конференціи.—Рихтеръ, А. К. Значеніе письменности въ словесномъ процессѣ.—Давыдовъ, Е. В. Компромиссъ соціальной криминологіи и догмы уголовнаго права.—Лыкошинъ, А. П. О семейной собственности у крестьянъ.—Леонтовичъ, Ѳ. И. Къ вопросу о происхожденіи семьи и о ея организаціи по древнему русскому праву.—Бутовскій, А. Н. Законъ о несовершеннолѣтнихъ и его примѣненіе въ судебно-мировой практикѣ.—Топачевскій, В. В. Къ вопросу о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи.—Гуляевъ, А. М. Общій срокъ земской давности.—Бутовскій, А. Н. О лѣсопорубкахъ.—Духовской, М. В. Распредѣленіе исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ по территоріи Россіи.—Боровиковскій, А. Л. Экскурсія въ область русской рѣчи. Замѣтки при первомъ чтеніи законопроекта „О [illegible]ательства").—Товстолѣсъ, Н. Н. Общая собственность по русскому гражданскому праву.—Шишко, К. А. Наши волостные суды.—Ифляндъ, П. А. Частное обвиненіе по проекту новой редакціи уст. угол. суд.—Гордонъ, В. М. Юридическая природа альтернативныхъ обязательствъ.—Щегловитовъ, И. Г. Новыя теченія въ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ.—Гуссаковскій, П. Н. Третья Гаагская конференція по вопросамъ частнаго международнаго права.—Давыдовъ, Н. В. Значеніе формы въ уголовномъ процессѣ по Судебнымъ Уставамъ Императора [illegible]. Ананьевъ, К. А. Право [illegible] и ихъ [illegible] —Гредескулъ, Н. А. Соціологическое изученіе права.—

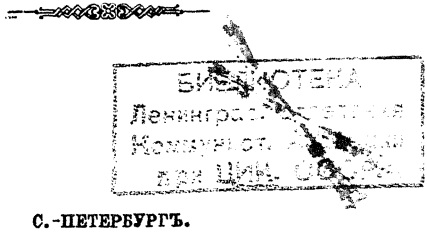
ПРОВ. 1958

Н. А. ГРЕДЕСКУЛЪ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ПРАВА.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Декабрь 1900 г.).

31957



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1900.

КВ
10

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
644
53

СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ ПРАВА [1]).

Н. А. Гредескула.

Мм. Гг! По принятому академическому обычаю на меня ложится обязанность мотивировать здѣсь предъ вами мой трудъ съ точки зрѣнія существующаго положенія науки и ея очередныхъ задачъ. Но что̀ разумѣть подъ существующимъ положеніемъ юриспруденціи и какія задачи надо считать для нея очередными въ настоящій моментъ? Никто, вѣроятно, не станетъ отрицать того, что юриспруденція переживаетъ теперь критическій періодъ, уже порядочно затянувшійся, но все еще не обѣщающій скораго конца. Кризисъ обусловленъ тѣмъ, что въ наукѣ о правѣ существуетъ три направленія, спорящихъ за преобладаніе и до сихъ поръ не пришедшихъ къ такому соглашенію, которое давало бы имъ возможность мирно уживаться рядомъ и взаимно помогать другъ другу въ выполненіи специфическихъ задачъ каждаго. Эти три направленія суть: *догматическое, историческое и соціологическое.* Послѣднее названіе еще не установилось, но оно кажется мнѣ самымъ удачнымъ, и, употребляя его, я слѣдую примѣру моего уважаемаго оппонента проф. Г. Ф.

---

[1]) Рѣчь передъ диспутомъ, произнесенная въ Казанскомъ университетѣ 22 октября 1900 года при защитѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: „Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права“.

Шершеневича. Кто желаетъ въ настоящее время сознательно работать въ юриспруденціи, тотъ долженъ дать себѣ ясный отчетъ въ соотношеніи этихъ трехъ направленій, и мотивировать какой-либо научный юридическій трудъ, съ точки зрѣнія существующаго положенія науки, это, значитъ, въ сущности, отдать предпочтеніе одному изъ нихъ.

Въ этомъ отношеніи я долженъ прямо и безъ обиняковъ сказать, что самымъ важнымъ считаю направленіе соціологическое; и это не только потому, что въ предѣлахъ послѣдняго лежатъ самыя важныя, по моему мнѣнію, задачи правовѣдѣнія, но и потому, что разрѣшеніе этихъ задачъ окажетъ самое благодѣтельное вліяніе какъ на догматику, такъ и на исторію права. Перешедши такимъ образомъ Рубиконъ, двинемся дальше.

Догматическое изученіе права весьма важно и необходимо,—но лишь для одной цѣли—для практическаго примѣненія права въ жизни. Оно есть изученіе подчиненное, вся догматика возникла и существуетъ, какъ ancilla justitiae, служанка правосудія. Правосудіе есть дѣло великой важности, но все-же не самое важное въ области права; въ жизни права есть задача, еще болѣе важная, чѣмъ примѣненіе права, а именно его созданіе, и передъ этой задачей догматика оставляетъ насъ совершенно безсильными, ибо вопросъ о томъ, каково должно быть право, есть вопросъ, для нея не существующій.

Изученіе исторіи права есть задача, сама по себѣ, вполнѣ научная, скорѣе теоретическая, чѣмъ практическая. Но, вѣдь, исторія исторіи рознь. Понятіе исторіи колеблется, такъ сказать, между двумя крайними полюсами: простымъ изображеніемъ хода событій и полнымъ объясненіемъ ихъ смѣны и послѣдовательности. Исторія перваго рода, если и имѣетъ научное значеніе, то только какъ предуготовленіе къ настоящей научной исторіи,—исторіи объясняющей, а не изображающей только событія. Но послѣднюю создать не легко, и, во всякомъ случаѣ, для этого требуются предварительныя работы внѣ области исторіи. Чтобы понимать исторію какого-либо явленія, надо сперва понять самое это явленіе,

уяснить себѣ его природу, какъ таковаго, помимо его историческаго движенія. Поэтому и настоящая исторія права совершенно невозможна безъ теоріи права. Что это именно такъ, это лучше всего можно подтвердить ссылкой на, такъ называемую, историческую школу права.

Экскурсіи въ область прошлаго со стороны юристовъ совершались и до исторической школы, а между тѣмъ начало историческаго направленія въ правѣ мы датируемъ только концомъ XVIII и началомъ XIX вѣка. Почему же это такъ? Потому что только съ этого времени выступаетъ на сцену особая теорія права, именно и составляющая характеристику и особенность исторической школы права. Почему для насъ историческая школа прежде всего и больше всего связана съ именемъ великаго Савиньи? Потому что онъ есть главный творецъ той теоріи права, которая характеризуетъ собою историческую школу; труды его предшественниковъ только подготовляли его теорію, а труды его послѣдователей только развивали ее дальше. Итакъ, основной характеристикой исторической школы является не то, что она обратилась къ исторіи права, а то, что она выставила особую теорію права. Да иначе и быть не могло: она хотѣла дать объясненіе исторической жизни права, а это совершенно невозможно безъ теоріи права.

Выполнила ли историческая школа свою задачу по отношенію къ исторіи права? Дала ли она намъ такое объясненіе исторіи права, которое бы насъ вполнѣ удовлетворило? Едва ли можно на этотъ вопросъ дать отвѣтъ утвердительный. Приведемъ по этому поводу два отзыва объ исторической школѣ, старый—Іеринга и новый—Антона Менгера. По остроумному выраженію Іеринга, въ его „Духѣ римскаго права“, авторы исторической школы работали надъ исторіей римскаго права съ микроскопомъ въ рукахъ вмѣсто того, чтобы взять требующійся здѣсь телескопъ; они руководились слишкомъ близкими точками зрѣнія; они изощрялись надъ частностями и деталями вмѣсто того, чтобы стремиться схватить и понять цѣлое. Результатомъ было то, что *вмѣсто исторіи права* они давали только руководства *къ*

институтамъ и пандектамъ различныхъ періодовъ римской исторіи. Въ сущности, таковъ же по своему смыслу и отзывъ Менгера, данный имъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ Іеринга, въ его извѣстной рѣчи „О соціальныхъ задачахъ юриспруденціи". Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, говоритъ онъ, нѣмецкіе юристы занимались историческимъ изслѣдованіемъ права и успѣли прослѣдить происхожденіе всѣхъ учрежденій до самыхъ ихъ корней, но—увы! все это *безъ всякаго критическаго духа*—„этого перваго условія всякой истинно-научной дѣятельности", по справедливому выраженію того же автора.

Итакъ, историческая школа не выполнила своей исторической задачи, не дала намъ объясненія исторіи права.— Почему? Потому что руководившая ею теорія права заключала въ себѣ важные недостатки.

Эта теорія всѣмъ хорошо извѣстна. Право есть продуктъ народнаго духа, а не произвола законодателя. Народный духъ въ правѣ себя раскрываетъ или обнаруживаетъ.

Историческое развитіе права вполнѣ закономѣрно и происходитъ съ такою же правильностью и необходимостью, съ какою, напр., изъ зерна происходитъ развитіе растенія— вотъ основныя положенія этой теоріи. Великая заслуга исторической школы состоитъ въ томъ, что она поставила право въ связь съ цѣлымъ народомъ, т. е. съ общественной средой, и признала развитіе его закономѣрнымъ, но ея представленіе о природѣ права было все-таки весьма несовершеннымъ. Какъ условія образованія права, такъ и роль его въ общественной жизни она представляла себѣ ошибочно. По ея представленію выходило, будто народный духъ раскрываетъ себя въ правѣ просто ради самаго процесса раскрытія, что онъ творитъ право, wie der Vogel singt, der in den Zweigen wohnet; выходило, что право есть какой-то пассивный продуктъ внутренней жизни народнаго духа, происходящей въ такихъ таинственныхъ его глубинахъ, куда мы и заглянуть то не можемъ.

При такомъ взглядѣ на право оставалось одно—наблюдать процессъ его выдѣленія изъ народнаго духа, какъ въ

прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Исторія права становилась при этомъ простымъ разсказомъ о смѣнѣ институтовъ однихъ другими, а задача созиданія и реформы права сводилась къ старанію подслушать, что̀ невнятно шепчетъ народный духъ въ данную минуту. Съ такой теоріей историческая школа оказалась безсильной, какъ передъ научной задачей объяснить исторію права, такъ и передъ практической задачей—создать новое право на смѣну отжившему. Именно ея теорія привела ее и къ научному квіэтизму, и къ практическому безсилію.

Чтобы сдвинуть юриспруденцію съ мертвой точки, очевидно, надо было снова воздѣйствовать на основной рычагъ всего ея механизма—на теорію права. Къ счастію, нашелся и умъ, умъ Рудольфа Іеринга, не уступающій уму Савиньи, который понялъ это и, дѣйствительно, могучей рукой далъ теоріи права хорошій толчекъ впередъ. Любопытно при этомъ отмѣтить, что и для Іеринга исходной точкой работы послужила исторія. Извѣстно, что онъ научно родился, такъ сказать, въ нѣдрахъ исторической школы, и первый его крупный трудъ—также историческій, это знаменитый „Духъ римскаго права“. Но уже въ немъ Іерингъ недоволенъ теоріей исторической школы, какъ недостаточной для объясненія исторіи. Работая надъ исторіей права, онъ стремится объяснить и освѣтить ее иной теоріей, чѣмъ та, какая была дана Савиньи, Пухтой и др. Однако эта иная теорія права еще и имъ самимъ не была достаточно выработана. Ради нея онъ, въ своей исторической работѣ, дѣлаетъ множество теоретическихъ отступленій, но, наконецъ, убѣждается, что нельзя дѣлать двухъ дѣлъ разомъ, бросаетъ свой „Духъ“ неоконченнымъ, и его мысль на многіе годы погружается въ теорію права. Въ результатѣ мы получили двѣ его работы: „Борьбу за право“ и „Цѣль въ правѣ“, поставившія теорію права (вмѣстѣ съ тѣмъ, что было высказано уже въ „Духѣ“) на такую высоту, выше которой она и до сихъ поръ ни на іоту не поднялась.—Намъ нѣтъ надобности подробно излагать здѣсь идеи Іеринга. Основы его ученія хорошо выражаются уже самыми заглавіями только-что названныхъ его сочиненій, при чемъ всѣмъ извѣстно,

что, собственно, движущей пружиной жизни права онъ считаетъ цѣль: „Zweck ist Schöpfer des ganzen Rechts“, какъ онъ выразился въ motto на обложкѣ „Цѣли въ правѣ“.

Для насъ теперь гораздо важнѣе, и здѣсь уже возможно, сдѣлать общій выводъ изъ предыдущаго обзора движенія научной юридической мысли въ теченіе нынѣшняго столѣтія, и мы думаемъ, что этотъ выводъ не долженъ встрѣтить отрицанія ни съ какой стороны: ясно, что живымъ центромъ, продуктивнымъ ядромъ всего научнаго движенія въ юриспруденціи была и остается теорія права, а не исторія или догматика. А если мы спросимъ себя, въ чемъ же заключалась основная тенденція всѣхъ теоретическихъ построеній въ правѣ, то должны будемъ отвѣтить только такъ: въ стремленіи понять право, не какъ мертвый текстъ опредѣленнаго логическаго содержанія, существующій и затѣмъ смѣняющійся другимъ, а какъ живое общественное явленіе, т. е. въ стремленіи поставить и обработать теорію права соціологически. Починъ и первенство въ этомъ отношеніи безспорно принадлежатъ исторической школѣ,—она правильно стала разсматривать право, какъ продуктъ общественной жизни, и ея основныя теоретическія представленія о народномъ духѣ и правовомъ убѣжденіи—сколько бы мы ихъ ни упрекали съ другихъ сторонъ—все-таки навсегда останутся живыми общественными величинами, а не мертвыми понятіями. Но правильно установивши закономѣрную связь между правомъ и продуцирующимъ его обществомъ, историческая школа не усматривала еще активной природы права; она думала, что право есть продуктъ общественной жизни и больше ничего,—а между тѣмъ право играетъ активную роль въ общественной жизни, — оно есть какъ бы организованная активность общества, превращающаяся въ оковахъ права изъ безсвязной и опредѣленной—въ связную и точно опредѣленную въ своемъ дѣйствіи. И безспорная заслуга Іеринга состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ предъ нами эту активную сторону права; въ его представленіи право есть уже не что иное, какъ сама общественная энергія, направленная на обезпеченіе жизненныхъ условій общества

и закономѣрно движущаяся черезъ живую діалектику потребности, интереса, цѣли. Рядомъ съ живыми общественными величинами, выдвинутыми исторической школой—народнымъ духомъ, правовымъ убѣжденіемъ,—Іерингъ поставилъ другія живыя величины той же общественной природы: интересъ, борьбу, цѣль,—вовсе не на замѣну первыхъ, а въ дополненіе къ нимъ,—и мы теперь имѣемъ весьма солидную соціологическую теорію права, если и не разработанную въ деталяхъ, то все-же широко и правильно поставленную въ своихъ основахъ.

Но если такъ, то что же дальше? Сдѣлано ли уже все для соціологической разработки права, или еще нѣтъ? Конечно, даже самый рьяный поклонникъ Іеринга не дастъ на этотъ вопросъ утвердительнаго отвѣта. Іерингъ совершилъ въ области права колоссальную работу. Онъ работалъ здѣсь, какъ нашъ сказочный богатырь, первый земледѣлецъ, Микулушка Селяниновичъ; его сошка провела по нетронутому полю права такую борозду, которая навсегда останется директивомъ всѣхъ будущихъ работъ въ этой области. Но совершить всего онъ, конечно, не могъ. Полная соціологическая обработка права явится только результатомъ совокупныхъ усилій многихъ и многихъ работниковъ. И тѣмъ не менѣе на очереди стоитъ теперь въ юриспруденціи все-таки не работа дальше, впередъ отъ Іеринга, а работа къ Іерингу. По крайней мѣрѣ, такова очередная работа для рядовыхъ участниковъ науки, не претендующихъ пополнить собою созвѣздіе первыхъ величинъ юриспруденціи.

Дѣло въ томъ, что духовный капиталъ, внесенный Іерингомъ въ науку, далеко еще не усвоенъ послѣдней въ той мѣрѣ, какъ это необходимо и неизбѣжно. Его основная теоретическая идея—о цѣли въ правѣ—остается все еще непонятой и чуждой большинству представителей науки. Несмотря на все внѣшнее преклоненіе передъ его геніемъ, Іерингъ и теперь, въ сущности, одинокъ въ наукѣ. Разительное этому доказательство представляетъ, напр., отзывъ такого авторитетнаго ученаго, какъ Постъ, объ его посмертной работѣ „Vorgeschichte der Indoeuropäer“. Въ своей рецен-

зіи на это сочиненіе Постъ, положительно, пожимаетъ плечами передъ нимъ и иронически недоумѣваетъ, какъ смотрѣть на этотъ трудъ,—какъ на „Wissenschaft“, или „Dichtung“ [1]). А между тѣмъ этотъ трудъ есть только послѣднее звено въ цѣпи идей Іеринга; это только приложеніе къ исторіи основной теоретической его идеи о цѣли въ правѣ, о чемъ онъ самъ прямо заявляетъ въ этой книгѣ: „Es ist der Gesichtspunkt des Zweckes der seit Jahren *mein Leitstern* geworden ist, um *die gessellschaftliche Ordnung zu begreifen*“, читаемъ мы здѣсь, на стр. 379. Не правы ли мы будемъ послѣ этого, если скажемъ, что „путеводная звѣзда“ Іеринга свѣтитъ далеко еще не всѣмъ въ юриспруденціи?

Такимъ образомъ, нынѣшнее научное положеніе въ юриспруденціи опредѣляется тѣмъ фактомъ, что огромная продуктивная работа Іеринга все еще изображаетъ собою въ ней далеко выдвинувшійся впередъ авангардъ науки, за которымъ послѣдняя еще не подтянулась, да и не особенно склонна подтягиваться, все еще сомнѣваясь, туда-ли слѣдуетъ двигаться... Мы думаемъ, что эти сомнѣнія надо оставить и двигаться туда, куда насъ ведетъ столь счастливо и геніально найденная путеводная звѣзда.

Іерингъ показалъ намъ, какъ надо работать надъ правомъ, чтобы перейти отъ безплодной юриспруденціи понятій къ настоящей реалистической юриспруденціи, обѣщающей возможность научно овладѣть явленіями права. И эту реалистическую работу надъ правомъ надо продолжать, надо вести ее по всѣмъ направленіямъ, проводить въ частностяхъ и деталяхъ. Отъ успѣховъ этой работы выиграетъ и исторія права, выиграетъ, несомнѣнно, и догматика. О необходимости соціологической теоріи права для объясненія исторіи я ужъ и не говорю—это ясно изъ всего предыдущаго изложенія, которое показываетъ, что теорія права родилась и выросла подъ давленіемъ потребностей исторіи,—но она необходима и для догматики, для правильнаго разумѣнія со-

[1]) Рецензія Поста была помѣщена въ „Centralblatt für Rechtswissenschaft“, 1894, October, № 157, S. S. 8—10.

держанія права, потому что смыслъ послѣдняго всецѣло зависитъ отъ того, что норма есть только соціальное средство для достиженія соціальныхъ цѣлей. И я радъ, что въ подтвержденіе послѣдняго могу сослаться не на теоретика, а прямо на комментатора закона, поставившаго своею единственною цѣлью облегчить желающимъ усвоеніе содержанія послѣдняго. „Für das richtige Geständniss eines Gesetzes sind zwei Momente von entscheidender Bedeutung. Es sind dies einerseits der wirthschaftliche und soziale Zweck, den das Gesetz verfolgt, und andererseits die technisch juristischen Mittel, welche zur Erreichung des Zweckes angewandt werden. Diese beiden Momente möglichst klar zu legen, wird daher zu den wesentlichsten Aufgaben des vorliegenden Werkes gehören“ [1]). Это говоритъ *Planck* въ предисловіи къ своему комментарію новаго германскаго уложенія, намѣреваясь, такимъ образомъ, эксплоатировать точки зрѣнія Іеринга для цѣлей чистой догматики.

Окончательный выводъ, къ которому меня приводитъ предыдущее краткое и, конечно, весьма несовершенное изложеніе,—это тотъ, что важнѣйшей задачей для нынѣшней юриспруденціи является *соціологическая* разработка права, сперва вслѣдъ за Іерингомъ, а затѣмъ и впередъ отъ него—*durch den Rudolph Ihering und über denselben hinaus*! Только она дастъ намъ возможность *научно овладѣть* явленіями права, а это улучшитъ наше положеніе по всей линіи юриспруденціи: не только въ теоріи права, но и въ его исторіи и догматикѣ.

И если конечное назначеніе науки состоитъ не столько въ теоретической истинѣ, сколько въ практическомъ добрѣ, если найденная упорнымъ трудомъ истина лучше всего окупаетъ себя примѣненіемъ къ улучшенію человѣческой жизни,—то, съ этой точки зрѣнія, соціологическое изученіе права—

---

[1]) „Для правильнаго пониманія закона два момента имѣютъ рѣшительную важность. Это, съ одной стороны, хозяйственная и соціальная цѣль, которую преслѣдуетъ законъ, а, съ другой стороны, тѣ технически-юридическія средства, которыя примѣнены для достиженія этой цѣли. Представить, по возможности, ясно оба эти момента—это будетъ составлять существенную задачу настоящаго сочиненія“.

и лишь оно одно—обѣщаетъ намъ богатые плоды: оно дастъ намъ возможность разумно созидать право, научитъ насъ разрѣшать самую важную въ области права практическую задачу,—какимъ должно быть право. И если при господствѣ догматики права идеаломъ юриста является, въ нѣкоторомъ родѣ, пушкинскій дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зрящій на правыхъ и виновныхъ, знатокъ текстовъ и тонкій діалектикъ, всегда готовый разрѣшить, на основаніи существующаго права, самый запутанный юридическій казусъ,— то при соціологическомъ изученіи права предъ нами вырисовывается уже другой идеалъ юриста, идеалъ, прекрасно указанный проф. Антономъ Менгеромъ. Это юристъ—третейскій судья въ борьбѣ общественныхъ классовъ, юристъ— творецъ права, юристъ, консультирующій обществу о томъ, каковымъ должно быть право, и выполняющій эту задачу, какъ безпристрастный ученый, съ полной независимостью сверху и снизу.

Теперь мнѣ остается только къ очерченному великому зданію соціологической юриспруденціи примкнуть свою маленькую постройку.

Преподавая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гражданское судопроизводство и размышляя надъ этой частью юриспруденціи, я пытался примѣнить къ ней Іеринговскую точку зрѣнія цѣли, чтобы этимъ ключемъ отпереть многое запутанное, что имѣется въ теоріи процесса, и пришелъ къ выводу, что опредѣленіе задачи судотворенія, какъ защиты права, есть порожденіе той юриспруденціи понятій, Begriffsjurisprudenz, которая плохо считается съ фактами. Истинной, реальной цѣлью, а, слѣдовательно, и функціей суда, какъ особаго учрежденія, надо считать не защиту, а распознаваніе права in concreto, въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно должно было найти свое осуществленіе. Разъ ставши на эту точку зрѣнія, я скоро увидѣлъ, что распознаваніе права in concreto есть, во-1) чисто интеллектуальный процессъ, совершаемый вовсе не въ однихъ судахъ и потому допускающій и требующій независимаго отъ судебной обстановки изслѣдованія, а во-2), что распознаваніе права in

concreto есть особая и въ высшей степени важная фаза въ жизни права,—что это критическій этапъ на пути права отъ отвлеченной формулы къ его практическому осуществленію или воплощенію въ жизни. Послѣ этого мнѣ оставалось только приняться, по мѣрѣ своихъ силъ, за обработку темы, которую въ заглавіи своей книги я обозначилъ такъ: „Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права".

БИБЛИОТЕКА
Ленинградск[illegible]
Коммунистическ[illegible]
при ЦИК СССР

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Устав о [illegible]скихъ повинностяхъ. X.—О постановкѣ вопросовъ по преступленіямъ, совершеннымъ шайкою. П. Д. Чистякова.—По вопросу о крѣпостныхъ пошлинахъ по актамъ купли-продажи недвижимостей, совершеннымъ въ порядкѣ раздѣла. А. Сар.—1) Грабежъ и угроза причинить насильственныя дѣйствія, съ присоединеніемъ требованія о выдачѣ имущества. 2) Недоразумѣнія по поводу ст. 140 улож. наказ. П. А. Ифлянда.—Проектъ закона о трудовыхъ артеляхъ. А. Каминки.—На судѣ присяжныхъ въ Парижѣ. Б. Хавскаго.—О постановкѣ занятій слѣдственною частію кандидатовъ на судебныя должности. Е. Сверчкова.—Гражданская практика Омской судебной палаты А. М.—Отреченіе отца отъ наслѣдства влечетъ ли за собою лишеніе сына права на то же наслѣдство? И. Харламповича.—Въ правѣ ли судебный врачъ пользоваться 50-ти верстнымъ срокомъ? С. Витунскаго.—Къ вопросу о предѣлахъ пересмотра Судебныхъ Уставовъ. К. П. Змирлова.—По поводу законопроекта объ авторскомъ правѣ на литературныя и музыкальныя произведенія. Всев. Чешихина.—Замѣчанія на проектъ книги пятой гражд. улож. объ обязательствахъ. Я. Городыскаго.—Гминные суды въ губерніяхъ Царства Польскаго А. Кордасевича.—Прекращеніе дѣлъ по 2 ч. 994 ст. улож. наказ. въ уголовномъ судѣ. П. Ананьева.—Пятый съѣздъ представителей русскихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній. Дмитрія Дриля.—Обвинительная рѣчь по дѣлу Скитскихъ. К. К. Александрова-Дольника.—554 ст. по проекту новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства. Н. Магницкаго.—Толкованіе 1241 ст. т. X, ч. 1, въ связи съ понятіемъ „право представленія". И. Харламповича.—О примѣненіи 2 ч. 1649 ст. улож. наказ. И. Голубова.—О порядкѣ производства брачныхъ дѣлъ въ армяно-григоріанской церкви. Н. Ѳаддеева.—Проектъ вотчиннаго устава. В. Берви—Ревизія учрежденія акціонерныхъ компаній. В. Бѣлинскаго.—Нѣсколько замѣчаній на проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства. С. Ризникова.—Кассаціонная практика. Вопросы, разрѣшенные Общимъ Собраніемъ Кассаціонныхъ и съ участіемъ Перваго и Втораго Департаментовъ Правительствующаго Сената въ 1899 г. Составилъ Н. Н. Быстровъ.—Вопросы, разрѣшенные Угол. Кассац. Департ. Правит. Сената въ 1899 году. Составилъ М. П. Шрамченко.—Опредѣленія Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассац. Д—товъ Правит. Сената за 1899 г. по надзору за судебными установленіями.—Обзоръ иностраннаго законодательства.—Письма изъ Англіи. Сесиля Аллена.—Письма изъ Парижа. Шарля Ламбера.—Литературное обозрѣніе.—Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа.

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. За границу **10 рублей.** Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній—по 1 рублю съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ **черезъ казначеевъ** пользуются **разсрочкою до 1 рубля** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ** исключительно **въ Главной Конторѣ**, пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—**по 5 рублей въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ" принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.